

Вячеслав Звягинцев

Суд над судьями

книга 1

Вячеслав Звягинцев

Суд над судьями. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24433369

ISBN 9785448534454

Аннотация

Эта книга о знаковых судебных процессах над судебными работниками советских судов. Их судили в разные годы и за разные деяния – убийство, взлоимство, «вредительство в судебной работе», «торговля правосудием»... Объединяют эти процессы, пожалуй, всего два обстоятельства. Во-первых, это суды над теми, кто сам был призван вершить правосудие. Во-вторых, это суды, практически не известные. Перед Вами, читатель, абсолютно закрытые страницы нашей истории.

Содержание

Предисловие	5
1. За дискредитацию правосудия	11
2. «Ну, согласны на расстрел»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Суд над судьями

Книга 1

Вячеслав Звягинцев

© Вячеслав Звягинцев, 2017

ISBN 978-5-4485-3445-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

У нас судей не любят. Впрочем, их не любят не только у нас. Но есть страны, где к ним все-таки относятся с уважением.

Уважать можно и нужно – за принципиальность, ответственное и честное отношение к работе, за профессионализм и неподкупность. Таких людей немало и в судебной системе России. Но мы мало, что о них знаем.

Судейское сообщество – достаточно закрытая корпорация. Жизнь судей за пределами судебных залов практически неизвестна. Такова специфика работы. На самом деле они разные. Такие же, как и все мы – со своими слабостями, увлечениями, проблемами и радостями. Толстокожие и легко ранимые. Черствые и остро чувствующие человеческую боль и несправедливость. Но все это сокрыто от людей, не передается гласности.

Судейская работа – изначально неблагодарная, поскольку по результатам рассмотрения дел одна из сторон, как правило, недовольна. И аура этого недовольства по мере возрастания числа рассматриваемых дел продолжает увеличиваться в размерах.

Мне рассказывали, что в одной из церквей, кажется в Новочеркасске, на стене есть надпись. Смысл ее в том, что судья в любом случае по завершении жизненного пути попа-

дает в ад.

По названным причинам воспоминания и мемуары судей – большая редкость. И уж совсем закрытыми являются страницы истории судов, связанные с осуждением судей.

В этой книге автором предпринята попытка описать некоторые знаковые судебные процессы над судебными работниками советских судов. То есть, тех судов, которые появились в Советской Республике ровно 100 лет тому назад. Читатель получит общее представление о том, за что и почему судили судей. Спектр довольно широкий – убийство и мздоимство, «вредительство в судебной работе» и «торговля правосудием»...

Среди оказавшихся на скамье подсудимых были судьи, осужденные безвинно и те, кто действительно совершил тяжкие преступления.

Большинство историй, описанных в этой книге, основано на изученных автором следственно-судебных делах, судебных актах, надзорных производствах и других архивных документах.

Значительная часть этих документов рождена в недрах военно-судебного ведомства. Но здесь нет прямой связи с распространением того или иного описываемого явления именно среди военных судей. Все объясняется другим обстоятельством. Просто автор более четверти века прослужил в системе военных трибуналов.

Надо также заметить, что описание некоторых судебных

процессов не основано на анализе перечисленных выше документов, поскольку они до сего времени засекречены. Причем, здесь вырисовывается удивительный парадокс. Автору удалось найти и изучить основной массив требуемых материалов, относящихся, например, ко времени революции и гражданской войны. И даже к самому мрачному периоду нашей истории – периоду массовых репрессий. В частности, в архиве Военной коллегии Верховного суда СССР удалось обнаружить секретную папку армвоенюриста В. В. Ульриха с надписью «Особый наряд №1». В этой папке, насчитывавшей 120 листов, хранились документы, содержавшие компрометирующий материал на судей, заподозренных в «контрреволюционности» и «вредительстве в сфере военного правосудия»¹.

В то же время, материалы нескольких крупных судебных процессов послевоенного периода оказались недоступны для исследователя. Хотя вряд ли, в делах высокопоставленных судей-взяточников имелась какая-то информация, которую необходимо было секретить. Скрывать таким образом пытались другое – стыд за своих коллег и масштабы коррупции, поразившей высшие судебные инстанции. Может быть, опасались, что предание гласности подорвет авто-

¹ Ряд отсканированных автором документов из Особой папки приведен в приложении №1 к книге. Некоторая их часть использована при написании книги «Суд над судьями» (совместно с А. И. Мурановым, Казань, 1993 г.) о судебных процессах над военными судьями, которые погибли в годы массовых репрессий, пытаясь оказать сопротивление произволу и беззакониям.

ритет судебной власти? Но он и так – практически на нуле. Так может, очищение стоит начинать с обнародования этих фактов?

Из всех исследованных автором категорий дел, выделяются две основные группы: судьи-взяточники и судьи-«вредители».

Архивные документы свидетельствуют, что взяточничество получило распространение уже в первых советских госучреждениях, в том числе – в судах. В статье, опубликованной в 1922 году в «Еженедельнике Советской юстиции», утверждалось: «Взяточничество охватило, как будто тиска-ми, все наши хозяйственные учреждения... этому врагу ныне объявлена открытая война, против него мобилизуются все силы – суд, профсоюзы, партийные организации»².

Советские суды тоже оказались заражены этим вирусом. Поэтому уже в 20-е годы прошлого века борьба с коррупцией в судах, приобрела характер периодических массовых кампаний.

Одно из первых крупных и громких дел, известных как «дело ленинградских судебных работников», слушалось Верховным судом РСФСР в мае 1924 года в гор. Ленинграде. На скамье подсудимых тогда оказалось 42 человека, в том числе – 17 судебных работников. Об этом деле рассказано

² Война со взяточничеством. Еженедельник Советской юстиции. 1922, №36, 6 октября.

в главе 4 «Судьи, торгующие правосудием».

Последующие масштабные чистки судебных органов, завершившиеся серией судебных процессов, были проведены в 1948—1949 годах и 1960—1962 годах. Но эти крупные процессы, в отличие от судебного процесса 1924 года, не назовешь громкими. Сплошная завеса секретности и абсолютная стена молчания – вот какими словами можно охарактеризовать эти дела. О них повествуется в главах «Передать на рассмотрение особого судебного присутствия» и «За такие приговоры судей самих судить надо».

Значительное место в книге отведено процессам над судьями, которые пытались бросить вызов своему же ведомству, превращенному в бездушный карательный конвейер. Их деяния квалифицировались как «вредительство в области судебной политики», а имена после осуждения вычеркивались из истории. По этой причине реальная картина и масштабы противодействия судей беззакониям до сего времени окончательно не установлены. Поэтому у многих сложилось впечатление, что репрессивная машина работала безотказно и не давала сбоев. Между тем, это не так. Автором предпринята попытка ликвидировать еще одно «белое пятно» нашей истории и рассказать о некоторых судьях (в том числе – о военных судьях, досье которых хранилось в особой папке Ульриха), пытавшихся остановить шквал доносов, арестов и расстрелов.

Трагичны и полны драматизма судьбы работников судебного ведомства того времени. Большинство из них никогда не будут зачислены в когорту героев. Не все из них и не сразу пришли к прозрению. Кто-то, возможно, до конца оставался в неведении, считая, что делает важное государственное дело. Многие, осознав, что их руками расправляются с безвинными людьми, продолжали творить произвол из страха за себя и своих близких. Кто-то предпочел уйти, вырваться из железных тисков обреченности, чтобы сохранить свою издерганную, израненную совесть. Некоторые судьи до того, как выступить против беззаконий, сами успели «наследить». Кто-то «прозрел» и начал борьбу с произволом, когда сам оказался в заключении. А до этого – выносил расстрельные приговоры в отношении безвинных людей. В общем, большинство этих людей – не герои, а скорее – жертвы системы. Но были и те, кто пытался противостоять беззакониям с самого начала. Они знали, что могут погибнуть в этой неравной борьбе. Но продолжали идти до конца. Эти люди сохранили свою честь, не запятнали своих мундиров...

События, описываемые в первой части книги охватывают широкие временные рамки – с 1917 года и до начала 60-х годов. То есть практически полвека.

1. За дискредитацию правосудия

О том, как и почему деформировалось правосудие в нашей стране написано немало. Процесс этот был сложным и многовекторным.

С самых первых дней становления советских судов прослеживаются две противоположные тенденции. Если умолчать о любой из них, правда о том, времени будет неполной, однобокой.

При описании исторических событий нередко используется какая-то одна краска. В советское время подбирались преимущественно яркие тона. Картина получалась радостной, жизнеутверждающей, оптимистичной. Сегодня преобладают черные и серые. А в реальной жизни палитра – более пестрая, с многообразием полутонов и оттенков. В этом убеждаешься, когда изучаешь подлинные архивные документы судебных органов.

С одной стороны, сторонники жесткого администрирования, проведения в жизнь методов революционного штурма и натиска, были убеждены, что судьи не должны руководствоваться законом. Во главу угла тогда ставилась политическая целесообразность.

Первый председатель Революционного военного трибунала Республики К. Х. Данишевский заявил в своем первом интервью газете «Известия ВЦИК»: «Военные трибуналы

не руководствуются и не должны руководствоваться никакими юридическими нормами. Это карающие органы, созданные в процессе напряженной революции борьбы»³.

С другой стороны, представляют интерес действия работников правосудия на местах, направленные на обеспечение открытости и сохранение чистоты своих рядов.

В послеоктябрьские годы уровень гласности в работе многих судов был высоким даже по нынешним меркам. Достаточно сказать, что в штаты целого ряда трибуналов входили профессиональные журналисты, абсолютное большинство дел слушалось публично, тексты приговоров публиковались большими тиражами. Не редкостью являлись и оправдательные приговоры. В 20-е годы таковым был итог рассмотрения каждого четвертого дела.

Автора буквально поразило количество следственно-судебных материалов, связанных с рассмотрением судьями дел в отношении своих бывших коллег, «дискредитировавших революционное правосудие». Причем, эта «дискредитация» зачастую выражалась вовсе в уголовно-наказуемых (по нынешним меркам) деяниях.

Некоторые попытки работников трибуналов бороться за чистоту мундира, очищать свои ряды от людей некомпетентных и нечистоплотных, сегодня кажутся наивными. Отдельные – вызывают удивление. А кое-что можно взять на вооружение и сегодня.

³ Известия ВЦИК №2 от 3 января 1919 года.

Перевернем лишь несколько страниц из истории становления советского правосудия. Они показывают, что в те годы у многих работников судебной системы были чистые помыслы и благородные цели. Были и судебные процессы над теми судьями, которые эти цели попирали или на них посягали.

Перечень архивных следственных дел в отношении лиц, запятнавших честь судьи, показывает, что такие дела не были тогда редкостью – дело по обвинению Смирнова в ограничении прав членов Московского трибунала; дело по обвинению Кондрушкина, Гусева и Козлова в дискредитации революционного правосудия; дело по обвинению Бальшева в подрыве своего авторитета как помощника прокурора и т.д.⁴.

В чем же выражалась дискредитация?

Спектр выявляемых нарушений был весьма широким. Многих работников увольняли из трибуналов или откомандировывали в другие учреждения по причине их профессиональной непригодности – из-за малограмотности и связанных с этим нарушений. Порой по этическим и нравственным соображениям.

Вот лишь несколько примеров из практики работы военных трибуналов, дислоцировавшихся на территории Петроградского военного округа.

В августе 1919 года трибунал Западного фронта рассмотрел дело военного следователя реввоен трибунала 7-й армии

⁴ РГВА. Ф. 24562. Оп 1. Д. 82. Л. 162—164.

Грабека. Его судили за то, что он во время допроса свидетелей (хотя лично в нем не участвовал) не препятствовал другим лицам применять к ним насилие.

Как явствует из доклада председателя военного трибунала Петроградского военного округа, «следователь Плигин за нетактичные, недопустимые для следователя поступки откомандирован в распоряжение ПУОКРа»⁵. Эти действия выразились в том, что Плигин выехал для производства следствия по одному из дел в отдаленную местность, где остановился на квартире обвиняемого и там же допрашивал свидетелей.

Представляет интерес и обнаруженное автором в фондах Реввоен трибунала Республики дело «о неправомерных действиях председателя трибунала Петроградского укрепленного района тов. Антонова».

Суть его сводилась к тому, что за опоздание из отпуска сотрудника трибунала Тарасова Антонов обругал его нецензурной бранью, а затем поместил на трое суток на гауптвахту.

На «место происшествия» немедленно выехал председатель Реввоен трибунала Западного фронта. Он начал выяснять обстоятельства и причины конфликта, детально опросил всех работников. Они недоумевали – почему обычному для их коллектива, незначительному инциденту придается столь серьезное значение? Что за этим кроется? Член трибу-

⁵ Политуправление округа, РГВА. Ф. 24560. Оп.21. Д. 26. Л. 3.

нала Гуляев написал в своем объяснении: «Все сотрудники трибунала свои люди, исключительно коммунисты, в обращении между собой не стесняющиеся в выражениях, произнесение матерных слов – обычное и никого из состава РВТ не стесняющее».

Однако заключение председателя трибунала Западного фронта Ю. И. Денисова было категоричным:

«1. Антонов не мог налагать арест в административном порядке.

2. Взаимоотношения в РВТ (реввоентрибунале – авт.) не соответствуют такому высокому учреждению, как трибунал, деловые разговоры начинаются и заканчиваются матерными словами...»⁶.

Учитывая это, а также слабую грамотность Антонова, он был смещен с должности. Такого рода решения были наиболее частыми, хотя и облекались нередко в форму судебного приговора или постановления.

Приведем выдержки еще из двух документов, своеобразных как по стилю изложения; так и по тем основаниям, в силу которых они появились.

Название на обложке дела №21, завершившегося вынесением приводимого ниже постановления, звучит грозно – «Дело по обвинению в должностных преступлениях председателя реввоентрибунала 8-й армии Озоля».

В чем же выразились эти должностные преступления?

⁶ РГВА. Ф. 24380. Оп.7. Д. 353.

Лаконично и исчерпывающе они изложены в постановлении РВТ Кавказского фронта от 12 мая 1920 года:

«Рассмотрев дело по обвинению председателя РВТ 8 армии Озоля в злоупотреблении по службе и выяснив, что Озоль, занимая должность председателя РВТ 8 армии, был груб и некорректен с лицами, с коими ему, Озолю, приходилось по службе иметь дело, а на судебных заседаниях позволял себе кричать на обвиняемых, стучать кулаками по столу, называть на «ты», терроризировал подчиненных ему сотрудников для достижения ему желательного.

Принимая во внимание, что в таких учреждениях, как реввоен трибунал, могут служить только люди выдержанные, реввоен трибунал

ПОСТАНОВИЛ:

бывшему председателю РВТ 8 армии Озолю Б. запретить занимать ответственные должности в следственных и судебных органах Советской власти сроком на три года»⁷.

К сожалению, подобного рода судейское самодурство встречается и в наши дни. Правда, приговоры в таких случаях давно уже не выносят.

Второй документ также не нуждается в комментариях. Это приговор реввоен трибунала Петроградского военного округа от 1 марта 1921 года по делу начальника следственно-судного отдела при штабе округа В. Крамника, а также работников того же отдела – заведующего следственной ча-

⁷ Там же, д. 517.

стью И. Горовича и начальника судного отделения Ф. Иванюка. Все трое были признаны виновными в том, что «не установили надзор за обслуживаемыми частями, последствием чего явилось беспорядочное и медленное производство дел, а Горович, кроме того, допустил превышение власти, препятствовал военным следователям высказывать свободно свое суждение по делу, навязывая им свое мнение, не терпя возражений, сведя таким образом коллегиальный способ рассмотрения дел к единоличному усмотрению».

Вот еще один пример, запечатленный в постановлении отдела юстиции Моссовета, принятого в декабре 1921 года:

«Отдел юстиции Моссовета, рассмотрев дело о неправильных действиях по службе нарсудей Замоскворецкого нарсуда Горохова и Виноградова, находит, что произведенной ревизией Калужско-Кожевнического отделения Замоскворецкого нарсуда и осмотром всех находившихся в производстве его дел установлено, что общее направление деятельности названных судей не соответствовало духу Советского Права и проводимой в декретах и распоряжениях Раб.-крест. правительства и циркулярах НКЮ карательной политике. Именно:

1. По делам о выгонке самогонки нарсудья Горохов постановлял исключительно условные приговоры, понижая сроки наказания без всякой мотивировки до 3—6 месяцев вместо предусмотренного по декрету наказания — лишения свободы не менее пяти лет.

2. По таким же делам судья Виноградов, сохраняя 5-летний срок наказания, также выносил условные приговоры, причем мотивировал необходимость вынесения таковых шаблонно принадлежностью обвиняемого к трудовому элементу...

3. По всем наиболее серьезным делам, как-то: хищения народного достояния, должностные преступления, взяточничество, спекуляции – судьи Горохов и Виноградов выносили в большинстве случаев условные приговоры и лишь в редких случаях безусловные, и то лишь слишком мягкие.

Принимая во внимание, что, вынося подобные приговоры, нарсудьи Горохов и Виноградов выявили полную неподготовленность их к несению возложенных на них судебных обязанностей и несоответствие их с занимаемыми ими должностями, что, однако, ввиду отсутствия данных, которые указывали бы на вынесение ими упомянутых приговоров по каким-либо корыстным или иного рода личным соображениям, в действиях их не усматривается признаков какого-либо уголовно-наказуемого деяния, отдел юстиции постановил:

Следствия не возбуждать, признать дело исчерпанным отозванием нарсудей Горохова и Виноградова от занимаемых ими должностей»⁸.

При чтении такого рода архивных документов может сло-

⁸ Цит по – Жирнов Е. «Не выносить приговоров о высшей мере без предварительной санкции ЦК». Власть №42 от 25.10.2010.

житься впечатление, что все это делалось с определенной целью – оставить для истории лишь глянцевую сторону правосудия. И в то же время спрятать от потомков факты вынесения необоснованных расстрельных приговоров. Но это не так. В серьезных случаях суды выносили в отношении своих коллег суровые приговоры. Впрочем, суровость тогда была связана не только с тяжестью противоправных деяний, но и вызывалась самим временем – суровым и беспощадным.

Один из старейших работников военного трибунала Ленинградского военного округа В. Кинг вспоминал, что во время Кронштадтского мятежа 1921 года он был арестован отрядом вооруженных матросов и помещен в застенок вместе с другими сотрудниками трибунала Кронкрепости. Позже большинство из них были репрессированы, а вышедший во время мятежа из партии член коллегии трибунала Щетинкин после подавления мятежа по постановлению ОГПУ был расстрелян.

Жестко пресекались факты, связанные с корыстными проявлениями.

В декабре 1917 года в Петрограде был задержан член следственной комиссии ревтрибунала Алексеевский, который вымогал у директора ресторана «Медведь» 5 тысяч рублей за освобождение Леонарди (первого директора ресторана), арестованного за покупку поддельной печати.

Надо сказать, что матрос Алексеевский стоял у истоков создания советских судебных и правоохранительных орга-

нов. В октябре 1917 года он в единственном лице представлял следственную комиссию Петроградского военно-революционного комитета, которая прекратила свою деятельность 5 декабря, передав дела следственной комиссии ревтрибунала при Петросовете. Вместе с делами перешел в трибунал и Алексеевский, где его преступная деятельность была вскрыта лично Ф. Э. Держинским⁹.

Однако Алексеевский, судя по всему, легко отделался. Из записки председателя транспортной ЧК Г. И. Благодрава Ф. Э. Держинскому, датированной ноябрем 1920 года, следует, что Алексеевский продолжал работать у Благодрава. Последний решил назначить его ответственным инструктором транспортной ЧК и просил Держинского сообщить, нет ли у того возражений. Феликс Эдмундович наложил резолюцию: «Надо навести справки. Поскольку, помню, обвиняли его в какой-то грязной истории. Ф. Держинский»¹⁰.

В других случаях, лица, уличенные во взяточничестве, осуждались к лишению свободы. Так, в докладе председателя военного трибунала Петроградского военного округа, датированном апрелем 1923 года, приводится рассмотренное военным трибуналом дело по обвинению помощника коменданта военного трибунала 1-го стрелкового корпуса.

Суть обвинения сводилась в следующем: «Согласился

⁹ ГА РФ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 55. Л. 2.

¹⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 4. Д. 17. Л. 29.

хлопотать об освобождении арестованного на поруки, за что обманным путем получил около 4 млрд. денег. В дальнейшем предложил жене одного из осужденных освободить из-под стражи ее мужа за сумму в 5 млрд. руб., сказав, при этом, что часть денег он должен будет дать председателю военного трибунала 1 СК». И далее вывод – «Своими преступными действиями подсудимый дискредитировал... себя, как ответственного работника ВТ (военного трибунала – авт.), а также еще более ответственного – председателя трибунала. Подсудимый приговорен к лишению свободы со строгой изоляцией сроком на 5 лет с поражением в правах на 2 года»¹¹.

Изучая в 1990 году в спецхране РГВА (тогда он именовался – ЦГАСА) материалы Реввоен трибунала Республики, автор обратил внимание еще на одно дело, информация о котором обнаружится впервые.

Дело это – мало чем примечательное. Интерес представляла личность обвиняемого. Им оказался председатель военного трибунала 13-й армии Н. С. Розовский.

Согласно заключению военного следователя трибунала Республики Н. С. Розовский присвоил вещественные доказательства по одному из дел, находившихся в его производстве: галоши, 10,5 аршин бархата и другое имущество.

Это был тот самый Наум Савельевич Розовский, будущий армвоенюрист и главный военный прокурор РККА, который

¹¹ РГВА. Ф. 24560. Оп. 21. Д. 26, Л. 97.

в 30-е годы стал одним из самых активных организаторов необоснованных репрессий над военнослужащими.

Столь стремительный карьерный взлет Розовского мог и не состояться, если бы следователь не проявил тогда снисхождения к своему коллеге. Он предложил в своем заключении ограничиться административным наказанием председателя трибунала¹².

Избежав в тот раз маленького пятна в биографии, Розовский запятнал ее по крупному в период массовых репрессий, закончив свой земной путь в лагере¹³.

Надо отметить, что уже в начальный период своего формирования советская судебная система стала избирательно подходить к назначению подсудимым уголовного наказания в зависимости от того, к какой социальной группе они относились. Классовые критерии все большее значение стали приобретать и в кадровой работе.

На первых порах в суды приглашали работать тех, кто разбирался хотя бы в азах юриспруденции или был просто грамотным человеком. Многие большевики знали о царской юстиции не понаслышке. Были среди них даже выпускники юридических факультетов, которые не могли не понимать, что правосудие – дело тонкое, деликатное. Поэтому, разру-

¹² РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 840. Л. 11.

¹³ Н. С. Розовский был арестован в 1939 г. как руководитель антисоветской террористической группы в Главной военной прокуратуре. 16 июня 1941 г. был осужден Военной коллегией к 10 годам лагерей. Умер в лагере в 1942 г.

шив старую судебную систему «до основания», многих людей, имевших к ней отношение, особенно технических работников, стали снова приглашать на работу. Теперь уже в новые, пролетарские суды.

Но вскоре – в начале двадцатых – подул иной ветер. Профессиональные качества стали отходить на второй план. Превалировать начинала партийность, принадлежность «к социально-обездоленным классам».

Из-под пера таких классово-стойких элементов будут рождаться хлесткие, как пулеметная дробь, расстрельные приговоры, а борьба за чистоту судейского мундира приобретет со временем совсем иные оттенки.

Уже через несколько лет первые судебные процессы над судьями, «дискредитировавшими революционное правосудие» своей жестокостью, злоупотреблениями, самодурством, станут достоянием истории. Наоборот, беспринципность и слепая классовая ярость к «врагам народа» будут все больше поощряться и культивироваться.

2. «Ну, согласны на расстрел»

О произволе и беззакониях советского правосудия в последнее время можно прочесть практически в любой публикации, касающейся истории становления правоохранительных органов страны. Но при этом умалчивается о том, что подобные факты становились нередко предметом пристального разбирательства, а судьи, их допустившие, сами представляли перед судом и несли заслуженное суровое наказание. В том числе, и в 20-е годы прошлого века.

Причины такой однобокости понятны. Дела в отношении судей-преступников оседали в недрах секретных архивов. О них просто не знают. Ведь работники судов и трибуналов, осужденные за «дискредитацию революционного правосудия», являлись одновременно, как правило, крупными партийцами, членами реввоенсоветов фронтов и армий. И предание гласности совершаемых ими должностных преступлений, фактов нравственного убожества и моральной нечистоплотности бросало, по мнению цензуры, тень на саму партию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.